

СЕРГЕЙ ПАТРУШЕВ

ЭЛЬФИЙКА И ДВАРФ:
СТРЕЛА И ТОПОР

Сергей Патрушев

**Эльфийка и Дварф:
Стрела и Топор**

«Автор»

2026

Патрушев С.

Эльфийка и Дварф: Стрела и Топор / С. Патрушев — «Автор», 2026

Эльфийка Лиара и дварф Торин - два лучших бойца гильдии авантюристов и два непримиримых врага. Она помешана на точности и считает его топор грудой металла, он верит лишь в грубую силу и зовёт её лук «палкой с верёвкой». Их бесконечный спор о том, что важнее - меткость или мощь, давно стал легендой гильдии, но когда королевство оказывается под угрозой, а таинственный Серый Орден начинает охоту на самих героев, им приходится действовать сообща. Правда, даже в бою с драконом или при штурме вражеской цитадели они не прекращают ссориться, случайно обрушивая башни, сметая армии и побеждая зло, даже не замечая его. Это история о том, как два абсолютно несовместимых существа становятся самой разрушительной и эффективной командой в мире, потому что пока они спорят, они непобедимы.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Стрела и Топор	5
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Сергей Патрушев

Эльфийка и Дварф: Стрела и Топор

Глава 1. Стрела и Топор

Запах в главном зале гильдии авантюристов «Валгалла» представлял собой настолько густую и многогранную субстанцию, что, войди сюда слепой, он без труда определил бы и время суток, и состав присутствующих, и меню вчерашнего ужина. Это был запах, вбитый в рассохшиеся дубовые доски пола десятилетиями сапожных гвоздей, пролитой крови и дешёвого эля. К нему примешивался горьковатый дым очага, металлический привкус оружейной смазки — едкой, с резким запахом медвежьего жира и толчёного графита, — и едва уловимый, но навязчивый аромат магических чернил, исходящий от доски объявлений. Чернила эти, изготовленные из сока каких-то болотных грибов, имели свойство въедаться в пергамент и в ноздри с одинаковой неумолимостью.

Доска объявлений, огромная, исцарапанная сотнями кинжалов, которыми особенно нетерпеливые авантюристы любили прикалывать подтверждения о выполнении заказов, висела на стене подобно алтарю некоего капризного божества. Сегодня, в этот сырой осенний полдень, когда за окнами моросил мелкий, противный дождь, превращавший улицы города в грязевые реки, именно вокруг доски кипела основная жизнь. Авантюристы всех мастей и калибров толпились возле неё, словно мотыльки у свечи, выискивая контракт пожирнее.

Лиара стояла, прислонившись спиной к колонне из неотёсанного дуба — одной из трёх, что поддерживали сводчатый потолок зала. Она выбрала это место не случайно: отсюда прекрасно просматривался и вход, и доска, и кухонная дверь, а толстая колонна надёжно прикрывала спину. Привычка, выработанная годами одиночных рейдов по кишасим нежитью пустошам. Она лениво, почти медитативно полировала наконечник стрелы кусочком промасленной замши. Движения её длинных, музыкальных пальцев были отточены до автоматизма. Каждый наконечник в её колчане был произведением искусства: трёхгранный, из воронёной стали, с микроскопическими зазубринами у основания, рассчитанными так, чтобы стрела не выходила из раны, а плоть вокруг неё рвалась при малейшем движении жертвы. Эльфийка знала это, потому что сама допиливала каждый наконечник в своей походной мастерской долгими бессонными ночами.

Солнечный луч, пробивавшийся сквозь высокое витражное окно — единственную роскошь этого места, изображавшую, по иронии судьбы, сцену поражения какого-то демона каким-то героем, — играл на её золотистых волосах, собранных в тугую, практичный хвост, перехваченный простым кожаным ремешком. Волосы цвета спелой пшеницы были единственной данью эльфийской эстетике, которую она себе позволяла. Никаких колец в ушах, никаких вышитых рун на плаще — только функциональность, граничащая с аскетизмом. Её миндалевидные глаза цвета расплавленного изумруда скользили по залу, подмечая каждую деталь: вот пьяный наёмник пролил эль на свои и без того грязные штаны, вот маг-недоучка нервно тербит амулет, явно поддельный, вот у кухонной двери две поломойки шепчутся о чём-то, прикрывая рты ладонями. Лиара выглядела до неприличия спокойной для существа, чей слух — обострённый, эльфийский, способный уловить биение сердца зайца за сотню шагов — только что различил звук, способный испортить даже самый благостный день.

Это была тяжелая, шаркающая поступь, сопровождаемая ритмичным стуком металла о камень. Стук этот имел особенность: металл ударялся не плашмя, а с лёгким скрежетом — значит, идущий не просто волочил что-то, а использовал топорище как трость, что говорило либо о крайней степени усталости, либо о запредельном понтовстве. Зная Торуна Громовую Бороду, Лиара ставила на второе.

— С дороги, молокососы. Дамы — вперёд, — прогрохотал голос, напоминающий сход горной лавины, когда та перемалывает вековые сосны в щепки.

Торин вошёл в зал, заставив половину присутствующих инстинктивно пригнуться, а троих — рефлекторно схватиться за оружие. Он не шёл — он шествовал, как ледекол, раздвигая толпу авантюристов одной лишь аурой несгибаемого, чуть ли не тектонического упрямства. Каждый его шаг был маленьким землетрясением. Дварф был ниже Лиары почти на две головы — макушка его шлема доходила бы ей примерно до солнечного сплетения, — но в ширину превосходил её раза в три. Это была не полнота, нет. Это была та самая дварфийская монументальность, когда мышцы, кости и дух спрессованы в единый неразрушимый монолит. Его плечи были так широки, что он проходил в дверные проёмы только боком, и то не во все.

Кольчуга из воронёной стали, надетая поверх стёганого гамбезона, пропитанного потом сотен битв, звенела при каждом шаге. Каждое колечко этой кольчуги было выковано им самим в кузне отца ещё в те времена, когда Лиара, вероятно, только училась ходить (хотя с эльфами никогда нельзя быть уверенным в возрасте). Поверх кольчуги болтался выдававший виды кожаный фартук с нашитыми стальными бляхами — трофей, снятый с какого-то неудачливого наёмного убийцы, который попытался пырнуть дварфа ножом в печень и был за это разорван голыми руками. В правой руке, служившей одновременно и опорой, и угрозой, Торин сжимал свой знаменитый топор «Весомый Аргумент». Это было чудовищное орудие с двойным лезвием, украшенным рунами Подгорного королевства, которые в темноте начинали светиться тусклым багровым светом. Любой гномий кузнец, взглянув на этот топор, счёл бы его неприличным избытком металла, а любой воин — смертельным оскорблением здравому смыслу. Топор весил столько, что обычный человек не смог бы даже поднять его, не говоря уже о том, чтобы сражаться. Но Торин вращал им с пугающей лёгкостью, будто это был не боевой топор, а детская погремушка.

Лиара скривилась так, словно разжевала лимон вместе с цедрой, а затем, для полноты ощущений, запила это уксусом. Она не отрывала взгляда от своего занятия, продолжая полировать наконечник, но кончики её длинных, чуть заострённых ушей, выглядывавших из-под волос, едва заметно покраснели. Для тех, кто знал эльфов, это был верный признак крайней степени раздражения, эквивалентный человеческому скрежету зубов или дварфийскому битью головой о стену. Лиара ненавидела Торуна не какой-то там абстрактной ненавистью, возникающей между представителями разных рас. Нет, это была ненависть глубокая, личная, замешанная на принципиально разном подходе к ремеслу убийства. Если для Торуна бой был кузнечным молотом, грубой силой, сминающей любое препятствие, то для Лиары он был скальпелем, требующим ювелирной точности и холодного расчёта. Она презирала его методы так же искренне, как он презирал её.

— Осторожнее, Торин, — пропела она, не поднимая глаз, голосом, в котором яд был разбавлен мёдом ровно настолько, чтобы оскорбление звучало как светская беседа. — Ты рас-

плещешь своё пиво. Оно у тебя в жилах вместо крови, я знаю, это подтверждённый медицинский факт, но всё же не стоит пачкать пол. Поломойки только что вымыли.

Торин остановился. Не сразу — сперва он сделал ещё полшага, и этот полушаг был полон такого осознанного драматизма, что любой актёр бродячего театра удавился бы от зависти. Медленно, со скрипом начищенных доспехов, он повернул голову в её сторону. Его густые, кустистые брови, рыжие с проседью, напоминавшие двух мохнатых гусениц, сошлись на переносице, образовав единую багровую линию.

— Слышь, ушастая, — прогудел он. Голос его, низкий и рокочущий, пробирал до костей, как хорошая дрожь при лихорадке. — Я сегодня добрый. Я только что с утреннего моциона: раздавил двух шершней-переростков голыми руками. Без оружия. Просто взял и раздавил. Так что не выводи меня из состояния благодного равновесия. Оно очень хрупкое.

— Благодное равновесие? — Лиара наконец подняла глаза, и в них сверкнул опасный изумрудный огонёк. Она отложила замшу, и стрела в её пальцах застыла, нацеленная остриём точно в потолок. — Единственное равновесие, которое ты способен удержать, — это равновесие кружки пива на своей бороде. Да и то, судя по композиции пятен, украшающих твой фартук, не всегда успешно. Вот это пятно, например, — она изящно указала мизинцем, — от вчерашнего «Тёмного Гнома». А это, левее, — от позавчерашнего «Ячменного Шторма». У тебя на фартуке карта всех пивных города, и это, должна заметить, самая точная карта, которую ты когда-либо создавал.

По залу прокатился сдавленный смешок, похожий на шипение масла на сковороде. Авантюристы, почуявшие запах скандала — а этот запах был им знаком не хуже запаха денег, — начали стягиваться к доске объявлений, забыв о собственных делах. Кто-то отставил кружку, кто-то прервал игру в кости, даже маг-недоучка перестал терзать свой фальшивый амулет. Дуэль взглядов между эльфийкой и дварфом была так же стара, как сама «Валгалла», и столь же привычна, как скрип половиц. Они были двумя лучшими бойцами в гильдии, двумя полюсами, которые никогда не могли сойтись, и каждое их столкновение было маленьким стихийным бедствием, за которым наблюдали с восторгом и ужасом, как за извержением вулкана.

К счастью — или к несчастью, в зависимости от того, на чьей вы стороне, — в этот момент двери кабинета распахнулись с такой силой, что ударились о стены и жалобно застонали петлями. На пороге появилась Гризельда, администратор гильдии. Это была женщина неопределённого возраста, чьё лицо напоминало печёное яблоко — такое же сморщенное, румяное и присыпанное чем-то, подозрительно похожим на муку, — а характер был подобен закалённой дамасской стали: твёрдый, негибачаемый и способный при определённых обстоятельствах разорубить пополам любого зарвавшегося героя. Ходили слухи, что в молодости она сама была авантюристкой, и не из последних, но какая-то тёмная история с неудачным заклинанием телепортации оставила её с лёгкой хромотой и полным отсутствием веры в человечество. В руках она держала свиток, перевязанный красной лентой — знак срочного контракта, тех самых, от которых нельзя отказаться без потери репутации, а значит, и будущих заработков.

— А, вы уже здесь! — воскликнула она голосом, напоминающим карканье старой вороны, обнаружившей особенно жирного червяка. Она буравила Лиару и Торуна взглядом, не предвещавшим ничего хорошего. Взгляд этот был остр, как бритва, и опытен, как сотня прожитых лет. — Прекрасно. Даже разнимать не придётся. За мной, оба. Живо. У меня нет времени на ваши препирательства, у меня отчётность за квартал горит.

— Мы не в паре, — одновременно выпалили эльфийка и дварф, и, осознав синхронность, тут же наградили друг друга испепеляющими взглядами, полными такого концентрированного отвращения, что, будь у взглядов физическая сила, между ними вспыхнул бы воздух.

— Сегодня — в паре, — отрезала Гризельда тоном, исключаям возражения. Тон этот был отточен десятилетиями работы с буйными, пьяными и просто невыносимыми авантюристами. — Или можете катиться в Гильдию Нищих, там как раз набирают добровольцев для чистки выгребных ям у виконта. Слышала, запах там адовый, но платят медяками, и кормёжка за свой счёт. Выбирайте: гоблины или дерьмо. Что вам больше по вкусу? У вас есть три секунды. Раз. Два.

Ответом ей было мрачное, но всё же согласное молчание.

В комнате для брифингов пахло пылью и старыми картами. Этот запах — сухой, щекочущий ноздри — напоминал Лиаре библиотеку её наставника, ныне покойного магистра Теренция, который учил её, что знание — такое же оружие, как лук. Торину же этот запах не напоминал ничего, кроме скуки. Он ненавидел брифинги, считая их пустой тратой времени, которое можно было бы потратить на более полезные вещи: например, на заточку топора или на пиво. Гризельда тем временем расстелила на столе пожелтевший пергамент, углы которого загибались и крошились от старости. Карта Вересковой пустоши была испещрена пометками, сделанными разными почерками и разными чернилами — свидетельство того, сколько авантюристов до них пытались счастья в этих гиблых местах.

Гризельда ткнула в карту пальцем с обломанным ногтем. Палец этот, узловатый и скрюченный артритом, указывал на восточный сектор пустоши, где зелёные отметки леса сменялись серыми кляксами скальных выходов.

— Вересковая пустошь, восточный сектор, — произнесла она сухо, тоном лектора, зачитывающего скучную, но важную информацию. — Фермеры жалуются. Уже третью неделю гоблины повадились воровать скот. Овцы, козы, даже одна корова — всё уходит в их проклятое логово. Но скот — это полбеда. Скотина — дело наживное. Вчера, — Гризельда сделала драматическую паузу, и даже Торин, вопреки своему обыкновению, прислушался, — они напали на обоз с железной рудой. Три телеги. Охрана — четверо наёмников из гильдии «Вольный Клинок», не самых худших. Убиты все. Руду унесли. Всю, до последнего самородка.

Торин оживился. Железная руда для дварфа была тем же, чем золото для дракона, а хороший эль для человека. Это было не просто богатство, это была кровь ремесла, основа всего сущего в подгорном мире. Без руды не выковать доспех, не выточить топор, не построить кузню. Его глаза, маленькие и глубоко посаженные, цвета тёмного янтаря, алчно блеснули из-под нависших бровей.

— Руда? — переспросил он, и в голосе его прозвучали одновременно жадность и недоверие. — Откуда у гоблинов мозги на руду? Им бы блестящие побрякушки, стеклянные бусы да дешёвые побрякушки с лотков. Чтобы гоблин заинтересовался железной рудой — это против их природы. Тут что-то не так.

— Вот именно, — перебила Гризельда, и в её голосе послышалось нечто похожее на уважение к дварфийской догадливости. — Агентурные данные. У нас есть доноситель в трактире

«Три Свиньи», что у восточных ворот. Знаете такой? Дыра дырой, но гоблины-полукровки туда иногда захаживают, когда напиваются до состояния, близкого к откровенности. Так вот, доноситель сообщает: у них новый вожак. Не простой гoblin. Какой-то полукровка. Сведения разнятся: одни говорят — орк, другие — огр-полудурок. Тупой, как пробка, но сильный, как бык. Надел на себя кирасу, снятую с убитого рыцаря. Настоящая рыцарская кираса, кованая, судя по описанию — ещё и гномьей работы. Надел и возомнил себя непобедимым. Остальные гоблины, поголовно тупые и впечатлительные, смотрят на него как на бога. Дисциплина у них, говорят, повысилась. Даже что-то вроде тактики появилось, насколько у гоблинов вообще может быть тактика.

Она сделала паузу, чтобы дать им осмыслить услышанное, и закончила:

— Задача простая, как топор Торина. Нужно вырезать логово подчистую. Всех, кто там есть. И принести голову вожака в качестве доказательства. Плата — пятьдесят золотых. По двадцать пять на каждого, если доживёте оба.

— Пятьдесят? — хмыкнул Торин, почёсывая бороду, в которой, кажется, запутались крошки от завтрака. — Маловато за целую банду, да ещё с вожаком-полукровкой.

— Пятьдесят, — повторила Гризельда, и тон её не допускал торга, — и право собственности на ту самую кирасу. Это дополнительный пункт контракта. Оцените сами: говорят, работа гномья, кованая, с серебряной насечкой. На рынке за такую можно выручить ещё монет тридцать-сорок, если найти правильного скупщика. А если Торин захочет оставить её себе — ну, дело хозяйское.

Глаза дварфа алчно блеснули с новой силой. Тридцать-сорок золотых? Да одна только серебряная насечка, если она настоящая, стоила половины этой суммы у перекупщиков в Нижнем городе. А если кираса действительно гномьей работы — а Торин интуитивно чувствовал, что Гризельда не стала бы врать в таких вопросах, — то её ценность измерялась не только в деньгах, но и в престиже. Вернуть подгорному народу артефакт, утраченный на поверхности, — это вам не просто контракт, это деяние, достойное саги. Он погладил свою бороду — жест, выдававший глубокую задумчивость, — и медленно, с достоинством кивнул.

— По рукам.

Лиара, всё это время молча изучавшая карту с таким видом, будто читала открытую книгу, доступную только ей одной, вдруг выпрямилась. В её глазах мелькнуло что-то, чего Торин не заметил, но что Гризельда, старая ворона, прекрасно уловила: расчёт. Чистый, холодный, математический расчёт следопыта, привыкшего оценивать местность и вероятности. Тонкий палец эльфийки, унизанный кольцами из простого серебра — каждое из которых на самом деле было магическим маркером для отслеживания дичи, — скользнул по отметке, обозначающей пещеру, где засели твари.

— Логово находится в скальной расщелине, — произнесла она задумчиво, словно размышляя вслух. — Вот здесь, видите? Картограф обозначил это как «Пасть Проклятых». Пафосно, но точно. Вход узкий, как бутылочное горлышко. Скалы сходятся, оставляя проход шириной едва ли в два локтя. Идеальная позиция для обороны и кошмар для нападающих. Глупо лезть туда напролом, как ты, Торин, обычно делаешь, размахивая своей железякой. Одна точная стрела в глаз вожаку, пущенная с расстояния, с которого он даже не поймёт, что атако-

ван, решит проблему до того, как начнётся основная резня. Мелочь без вожака — это просто стадо. Разбегутся сами, как тараканы на свету.

— Стрела? — Торин фыркнул так, что усы у него встали дыбом, и с них посыпались крошки. — Ты вообще слушала старуху Гризельду, или твои эльфийские уши настроены только на звук собственного голоса? Кираса. Гномья. Кованая. Ты хоть понимаешь, что это значит?

— И что? — Лиара лениво пожала плечами, хотя глаза её опасно сузились, став похожими на две изумрудные льдинки. — Броня прикрывает тело, а не глазницы. Это, кажется, очевидно даже для существа с твоим уровнем образования.

Торин расхохотался — грубо, раскатисто, хлопнув своей огромной ладонью по столешнице так, что тяжелая чернильница подпрыгнула на два пальца и, приземлившись, жалобно звякнула.

— Девчонка! — прорычал он сквозь смех, и в этом смехе не было ни капли веселья, только чистая, концентрированная издёвка. — Ты хоть раз в своей длиннющей эльфийской жизни видела рыцарский шлем вблизи? Не на картинке, не в книжке, а в бою? Забрало! На рыцарском шлеме есть забрало, поняла? Идиотская решётка из стали, кованной подгорными мастерами! Даже если ты умудришься попасть в прорезь для глаз — а она шириной с твой мизинец, — стрела просто соскользнёт по металлу или застрянет в решётке! Ты туда своей зубочисткой не попадёшь, даже если упрёшься своим эльфийским носом прямо в лоб этому огрине! А он, заметь, не будет стоять смирно, как мишень на тренировочном полигоне! Он будет двигаться, махать своей дубиной, орать и убивать!

— Забрало не носят постоянно, — холодно парировала Лиара, отложив замшу и принявшись медленно, почти угрожающе покручивать стрелу в пальцах, так что наконечник хищно блеснул в тусклом свете масляных ламп. — Это во-первых. Ты, может быть, не знаешь, потому что всю жизнь провёл под землёй, но на поверхности бывает жарко, пыльно и неудобно. Вожак — тупой полукровка, помнишь? Он носит кирасу для понта, а не для реальной защиты. Он наверняка открывает забрало или вовсе снимает шлем, когда не в бою. А во-вторых, — она сделала паузу, наслаждаясь эффектом, — даже если он в полном облачении, существуют сочленения доспеха. Ты вообще знаешь, что это такое? Есть горжет — стык между шлемом и кирасой. Есть подмышечная впадина, которая почти никогда не прикрыта сталью, только кольчужной сеткой. Есть задняя поверхность колена. Есть пах. Точности моего выстрела хватит, чтобы прошить его насквозь в любом из этих уязвимых мест, пока ты будешь пыхтеть и топать, пытаясь добежать до него со своим переростком мясницкого тесака, спотыкаясь о гоблинские трупы и увязая в их собственных кишках.

В комнате повисла тишина — та особенная, звенящая тишина, которая возникает перед ударом молнии. Авантюристы, столпившиеся у дверей и окон, затаили дыхание. Кто-то нервно сглотнул. Маг-недоучка, стоявший в первом ряду, начал мелко креститься, хотя никаким богам не поклонялся.

— «Мясницкого тесака»?! — взревел Торин, багровея так стремительно, что, казалось, пар сейчас пойдёт у него из ушей. Его лицо, и без того красное от природы и пива, приобрело оттенок свёклы, которую долго варили в кипятке. — Ты, остроухая ветка, ты сейчас назвала мой «Весомый Аргумент» — топор, который передавался в моём роду семь поколений, кото-

рый выковал мой прадед Борун Стальной Локоть в горне под Караг-Друм, топор, разрубивший больше черепов, чем ты выпила глотков своего травяного чая, — мясницким тесаком?!

Он вскочил, и стул под ним жалобно скрипнул, чудом не развалившись. Его дыхание было тяжёлым и шумным, как кузнечные меха. Казалось, он сейчас бросится на эльфийку и разорвёт её голыми руками. Но он сдержался — сдержался каким-то невероятным усилием воли, от которого жилы на его шее вздулись, как корабельные канаты.

— Да этой кирасе, будь она хоть трижды гномьей, кованной самим Морадином в небесной кузне, конец! — прорычал он, брызжа слюной. — Я пробью её одним ударом! Вот сюда! — Он с размаху вонзил свой толстый, похожий на сардельку палец в карту, продырявив пергамент в районе пещеры. — В центр грудины! Потому что сила, глупая ты дева дриад, сила решает всё, когда речь идёт о хорошей стали! Твой лук — это палка с верёвкой против кузнечного молота! Это детская игрушка против настоящего оружия! Когда ты выпускаешь свою стрелу, она летит и надеется на удачу! А когда я бью топором — это не удар, это приговор, который не подлежит обжалованию!

К этому моменту весь зал уже буквально прильнул к дверному проёму и окнам, выходящим в комнату для брифингов. Люди, эльфы, дварфы, полурослики — все, кто был в «Валгалле» в этот час, побросали свои дела. Игра в кости остановилась на полуслове, кружки с пивом застыли на полпути ко рту, даже кухонные работники высунули носы, чтобы посмотреть, что происходит. Спор Торина и Лиары был лучшим развлечением за последние две недели, с тех пор как пьяный маг-недоучка по ошибке превратил кошку гильдмастера в василиска, и кошка эта, прежде чем её расколдовали, успела превратить в камень три стула, одну дверь и заместителя по снабжению.

— Палка с верёвкой, — ледяным тоном, в котором звенели осколки стекла, ответила Лиара, — пробивает твой шлем насквозь с пятидесяти шагов. Я проверяла. На тренировочном полигоне, когда тебя там не было, потому что ты обычно спишь до полудня, отсыпаясь после попойки. И если хочешь знать, Торин Громовая Борода, ты даже не добежишь до этого вожака. Ты увязнешь в гоблинской мелочи. Их там, судя по количеству украденного скота, не меньше трёх дюжин. Три дюжины гоблинов — это три дюжины копий, стрел, камней, бочек с нечистотами, которые они на тебя выльют. Тебя закидают дерьмом и камнями, ты споткнёшься, упадёшь, и они просто задавят тебя массой, как муравьи задавливают жука. Ты сдохнешь от истощения, пытаясь вытащить свой драгоценный топор из чьего-нибудь грязного черепа, а я буду стоять в ста шагах, на возвышении, и спокойно отстреливать их одного за другим, как в тире.

— Я сдохну? — Торин подался вперёд, и теперь они стояли друг напротив друга, как две грозные тучи перед столкновением. Высокая, гибкая фигура эльфа и приземистая, несокрушимая глыба дварфа разделяли какие-то жалкие дюймы. Эльфийке пришлось слегка наклониться, дварфу — задрать голову, но ни один не уступал другому в интенсивности взгляда. — Да пока ты будешь сидеть в кустах, прикидывая направление ветра, влажность воздуха и фазу луны, высматривая свой «идеальный момент», я зайду в эту пещеру, как нож в масло. Я зачищу её всю, от входа до самого дальнего тупика. Я убью вожака, я перебью всю его свору, и я ещё успею выпить всё пиво, которое эти уроды награбили у фермеров. Твоя точность — ничто против моей прочности! Это не просто слова, это закон природы! Камень ломает ножницы, вода точит камень, а прочность, настоящая дварфийская прочность, перемалывает любую точность в труху!

— Твоя прочность — это просто отсутствие мозгов! — выкрикнула Лиара, окончательно теряя остатки своего легендарного эльфийского хладнокровия. Её голос сорвался на крик, и в этом крике было больше эмоций, чем она позволяла себе за последние сто лет. — Тебе просто нечем осознавать опасность! У тебя в голове не мозг, а кусок гранита, который ты называешь памятью предков! Ты не думаешь, ты прёшь, и то, что ты до сих пор жив — это не твоя заслуга, это статистическая погрешность!

— Ах так?! — взревел Торин, и в этом рёве, казалось, смешались голоса всех его предков, всех берсерков его рода, когда-либо бросавшихся в бой с голой грудью и пеной у рта. — Давай проверим! Прямо сейчас!

Дальнейшее произошло в течение нескольких секунд, но для зрителей, затаивших дыхание, время словно растянулось, как патока. Торин резко развернулся, схватил со стола пустую пивную кружку, оставленную кем-то из старших офицеров гильдии — кружка была тяжёлой, глиняной, с выгравированным на боку гербом «Валгаллы» в виде скрещённых меча и посоха, — и, не целясь, просто вложив в бросок всю свою ярость, швырнул её в стену за спиной эльфийки. Кружка врезалась в камень на высоте эльфийской головы и разлетелась вдребезги, осыпав Лиару градом глиняных осколков. Это был не удар, это было объявление войны.

Лиара отреагировала мгновенно — с той рефлекторной, нечеловеческой скоростью, которую дают десятилетия оттачивания боевых навыков. Даже не оборачиваясь, не проверяя, попала ли кружка в неё (она знала, что не попала, она чувствовала траекторию по движению воздуха), она выхватила из колчана стрелу — не боевую, с широким наконечником, а учебную, с тупым концом, но достаточно тяжёлую, чтобы причинить боль, — и, используя свой лук как импровизированную дубинку, одним резким, хлестким движением отправила в полёт тяжелую чернильницу со стола. Чернильница, кувыркаясь в воздухе и разбрызгивая чёрную жижу, описала короткую дугу и с тошнотворным хрустом врезалась Торину точно в лоб. Звук был такой, будто молоток ударил по камню. Чёрная жижа залила ему лицо, затекла в глаза, в нос, в рот, пропитала его рыжую с проседью бороду, превратив её в грязное, липкое месиво.

Зал взревел. Это был даже не крик, это был коллективный выдох десятков глоток, наполненный восторгом, ужасом, азартом и предвкушением насилия. Люди начали толкаться, чтобы занять лучшие места, кто-то опрокинул скамью, кто-то выхватил кошелек и начал отсчитывать монеты.

— Деру-у-утся! — заорал кто-то фальцетом, перекрывая общий шум.

Торин, ослеплённый чернилами, взревел от боли и ярости и взмахнул топором. Лезвие «Весомого Аргумента» со свистом рассекло воздух в том месте, где мгновением раньше находилась голова эльфийки. Но Лиара уже скользнула в сторону, легкая, как тень, как осенний лист, подхваченный ветром, оставив после себя лишь лёгкий запах оружейной смазки и хвои. Тяжелое лезвие, не встретив сопротивления, по инерции продолжило движение и с чудовищным, смачным треском врубилось в дубовый стол для брифингов, развалив его пополам, словно тот был не мебелью, а картонным муляжом. Карта, свиток, перья, промокашка — всё разлетелось в клочья, закружившись в воздухе снежной бурей.

— Моя ставка на эльфийку! Десять золотых! — завопил молодой маг-недоучка, размахивая своим тощим кошельком, в котором, вероятно, не было и половины заявленной суммы.

— Полная ерунда! — возразил ему старый наёмник со шрамом через всё лицо — шрамом, делавшим его похожим на плохо сшитую куклу. — Дварф её раздавит, как клопа! У эльфийки против него нет ни единого шанса! Двадцать золотых на дварфа!

— Двадцать пять на то, что они убьют друг друга до того, как доберутся до гоблинов! — выкрикнул кто-то из толпы, и это предложение вызвало волну одобрительного гогота.

Импровизированный тотализатор вспыхнул мгновенно, как сухой порох от искры. Авантюристы — народ азартный, и драка двух лучших бойцов гильдии была событием, на котором грех не заработать, а возможность потерять деньги только добавляла остроты ощущений. Ставки принимались прямо на месте: кто-то записывал их на обрывках пергамента, кто-то просто кричал суммы и имена, полагаясь на честность окружающих (наивная, но трогательная вера). Гризельда, поняв, что остановить это светопреставление не выйдет никакими силами, и оценив масштаб разрушений, которые уже начали накапливаться, махнула рукой с видом человека, смирившегося с неизбежным. Она достала откуда-то из недр своего бюро толстую амбарную книгу в потрёпанном кожаном переплёте, раскрыла её на чистой странице и принялась записывать ставки, попутно профессионально уклоняясь от летящих щепок, осколков и случайных плевков.

— Лиара, детка, задай ему! Пять золотых на эльфийку, записываю! — крикнула она, демонстрируя полное отсутствие административного нейтралитета.

Лиара тем временем выскочила из комнаты в общий зал, перекатившись через спину с грацией цирковой акробатки. Она знала: в замкнутом пространстве кабинета у неё нет преимуществ. Там Торин мог просто зажать её в углу и раздавить. Ей нужен был простор, где она могла использовать свою мобильность. Торин, всё ещё ничего не видящий из-за чернил, но слышащий и чувствующий свою жертву каким-то звериным чутьём, с рёвом раненого носорога выломал дверной косяк плечом — просто снёс его к чертям собачьим, даже не заметив, — и ринулся за ней. У него на лбу уже вздувалась здоровенная шишка, а лицо, перемазанное чернилами, с бешеными глазами и оскаленными зубами, придавало ему вид настоящего берсерка из древних подгорных саг, тех самых, что пели барды в залах Предков.

— Стой и дерись, трусливая ветка! — прорычал он, перехватывая топор двумя руками и вращая им над головой с лёгкостью и скоростью, которая пугала до чёртиков.

— Тактика, горный тролль! — крикнула Лиара в ответ, запрыгивая на стол, за которым мирно выпивали трое гномов-рудокопов из клана Синей Горы. — Это называется тактика! Слово такое, в словаре между «тараканом» и «тарелкой»! Хотя тебе это слово, конечно, незнакомо!

Она побежала по столам, легко перепрыгивая с одного на другой, опрокидывая ногами кружки, тарелки с остатками еды и подсвечники. Её движения были настолько плавными и быстрыми, что глаз едва успевал за ними. Торин же, не утруждая себя акробатикой, которой его тело было просто не приспособлено, нырнул под столешницу, упёрся плечом в неё — плечом, которое выдерживало удар кузнечного молота, — и, с хриплым выдохом, просто поднял тяжёленный дубовый стол, за которым сидели гномы, вместе с этими самыми гномами, их закусками, элем и игральными костями. Раздался чудовищный, душераздирающий грохот: дварф швырнул мебель в стену с такой силой, что доски разлетелись в щепки, а гномы посыпались

на пол, словно горох из порванного мешка, осыпая его проклятиями на подгорном наречии, от которых у случайного слушателя завяли бы уши.

— Да чтоб тебя Морадин покарал, буйный ты пень! — завопил один из гномов, весь мокрый от пролитого эля, с куском ветчины на макушке. — Чтоб твоя борода облысела! Чтоб твой топор заржавел! Чтоб тебе пиво горьким казалось до конца дней!

Но Торин его даже не услышал. Весь его мир сузился до одной-единственной цели: острой эльфийки, которая скакала по залу, как блоха, и которую он во что бы то ни стало должен был поймать и раздавить. Лиара, оказавшись в углу, поняла, что пути к отступлению отрезаны. За спиной — стена, украшенная рогами какого-то ископаемого зверя, убитого гильдмастером в прошлую эпоху. Вокруг — плотная, возбуждённая толпа, орущая, свистящая, делающая ставки и не собирающаяся расступаться. А прямо перед ней, надвигаясь неумолимо, как ледник, шёл Торин, вращая топором над головой. Тяжелое лезвие рассекало воздух с низким, угрожающим гулом, и этот гул, казалось, проникал под кожу и заставлял кости вибрировать.

— Ну что, точность? — прорычал он, и в его голосе звучало злобное торжество. — Покажи мне свою точность, когда цель размером со шкаф! Покажи, как ты уклоняешься, когда уклоняться некуда! Всё, эльфийка, твои танцы закончились. Пора платить по счетам.

Лиара прищурилась. Паника? Нет, паника была ей незнакома. Паника — удел слабых. То, что она чувствовала, было холодным, ясным, как горный ручей, расчётом. Она оценивала обстановку с той же скоростью, с какой её стрела находила цель. Прямой бой невозможен: против берсерка в ярости она не выстоит и десяти секунд. Удар по ногам? Он ожидает этого, он уже прикрывает колени. В глаз? Слишком рискованно, он может дёрнуться, и тогда она промажет, а второго шанса не будет. Но её взгляд, скользя по залу в поисках выхода, внезапно зацепился за кое-что интересное.

Над головой Торина, на высоте примерно четырёх метров, с потолка свисал массивный канделябр. Это было старинное сооружение из чугунного литья, весом не меньше сотни фунтов, уставленное десятками свечей, из которых горела только половина. Канделябр висел на толстой, ржавой цепи, прикреплённой к потолочной балке. А на этой самой балке, прямо рядом с крюком, на котором держалась цепь, сидел, нервно подёргивая облезлым хвостом, гильдийский кот Васька. Кот был всё ещё немного зеленоват после недавнего инцидента с магом-недочкой и его экспериментальным заклинанием «превращения неживого в живое и наоборот», и вид имел крайне настороженный.

В голове Лиары мгновенно сложился план — дерзкий, почти безумный, но элегантный, как решение сложной геометрической задачи. Она не стала стрелять в Торина. Она не стала стрелять в канделябр. Она выхватила из колчана сразу две стрелы — одну боевую, с зазубренным наконечником, другую учебную, с тупым концом, — и, вложив их в лук одновременно, выстрелила. Обе стрелы ушли в полёт с разницей в долю секунды. Первая, учебная, с мягким стуком ударилась в деревянную балку ровно в миллиметре от кончика кошачьего хвоста. Вторая, боевая, со свистом вонзилась в ту же балку, но на палец выше, перерубив несколько волосков на кошачьем загривке.

Кот Васька, и без того бывший на взводе, испытал мгновенный, всепоглощающий ужас, который может испытать только существо, дважды за две недели оказавшееся на волосок от гибели. Он взвизгнул не своим голосом — пронзительно, дико, — и, не разбирая дороги, прыг-

нул. Прыгнул прямо на цепь, державшую канделябр. Цепь, и без того старая и натянутая, не выдержала резкого рывка. Крюк, на котором она висела, с душераздирающим скрежетом начал выходить из разохшейся балки. Канделябр покачнулся, накренился, свечи посыпались с него огненным дождём, и вся эта многосотфунтовая махина, набирая скорость, полетела вниз.

Всё это заняло, может быть, две секунды. Две секунды, за которые Торин Громовая Борода успел заметить тень, падающую на него сверху. Две секунды, за которые его инстинкты, отточенные веками битв в тёмных подземельях, где смерть приходит без предупреждения, заставили его действовать быстрее, чем он успел подумать. Он вскинул топор — не для удара, для защиты. «Весомый Аргумент» встретил падающий канделябр в воздухе, и два куска металла столкнулись с оглушительным, колокольным звоном. Чугунная махина, украшенная десятками свечей, разлетелась на куски, осыпав зал дождём воска, осколков и искр. Звук был такой, будто кто-то ударил в огромный, расстроенный гонг. Торин пошатнулся, ударная волна прошла через его руки и плечи, отозвалась болью в локтях, но он устоял. Устоял, как стояли его предки под градом вражеских стрел, как стояли стены Подгорного королевства под ударами таранов.

Это заняло у него всего секунду. Всего одну секунду, чтобы принять удар, погасить инерцию, удержаться на ногах. Но секунды Лиаре хватило. Одна секунда — это целая вечность для того, кто умеет ею пользоваться. Она бросилась не в сторону, не назад, а вперёд — в мёртвую зону топора, туда, где его длинное топориче делало его бесполезным. Нырнув под замах, словно подныривая под волну, она нанесла ему резкий, хлесткий удар ногой в колено — в то самое колено, на которое он прихрамывал. Дварф, взревев от боли, на мгновение потерял равновесие и опустился на одно колено, но даже в этом положении он оставался опасен. Его свободная рука метнулась вперёд, ухватила эльфийку за край плаща и рванула на себя с нечеловеческой силой. Лиара не удержалась на ногах и рухнула прямо на него. Они покатались по полу, сцепившись в единый, рычащий, молотящий, пинающийся клубок ярости и мести. В ход пошли кулаки, локти, колени. Эльфийская утончённость, её точность и грация растворились в этой грубой, первобытной схватке, смешавшись с дварфийской силой и упрямством. Это была уже не дуэль, это была драка — грязная, беспощадная, без правил и без пощады. Крушились стулья, скамьи, посуда. Осколки стекла хрустели под их телами. Кто-то из зрителей, не успевший отскочить, получил случайный удар в челюсть и рухнул как подкошенный.

Толпа неистовствовала. Это было даже не зрелище, это был катарсис, коллективное высвобождение всех накопившихся за скучные дни эмоций. Деньги переходили из рук в руки с лихорадочной скоростью. Ставки росли. Кто-то орал «Давай, Торин, размажь её!», кто-то визжал «Лиара, в глаз ему, в глаз!». Гризельда, стоя на столе в другом конце зала, перекрикивала общий гвалт, выкрикивая имена и суммы, словно аукционист на распродаже. Маг-недочка, вдохновлённый всеобщим безумием, попытался было запустить в дерущихся каким-то слабеньким файерболом, но его вовремя скрутили и отобрали амулет более ответственные коллеги.

Их растащили спустя десять минут, показавшихся вечностью. Четверо дюжих вышибал-полуорков, специально нанятых гильдией для таких случаев, вклинились в свалку и, рискуя собственными конечностями, оторвали дерущихся друг от друга. Двое держали Торуна — он всё ещё брыкался и пытался вырваться, его глаза были налиты кровью, а изо рта вырывалось хриплое, звериное рычание. Двое других удерживали Лиару — она обмякла в их руках, экономя силы, но взгляд её, холодный и сосредоточенный, говорил о том, что она ещё не закончила. Они стояли друг напротив друга посреди руин, ещё недавно бывших главным залом

гильдии «Валгалла». Картина разрушений впечатляла: переломанная мебель, осколки посуды, воск, чернила, пятна крови на полу и на стенах. У эльфийки был подбит левый глаз, наливавшийся красивым фиолетовым оттенком, и рассечена нижняя губа, из которой сочилась тонкая струйка крови. У дварфа распухал нос, подозрительно съехавший набок, и он заметно прихрамывал на левую ногу, ту самую, по которой пришёлся удар. Но глаза обоих — глаза, полные незамутнённой, чистой, концентрированной ярости и азарта, — горели неукротимым огнём. Они смотрели друг на друга, и было ясно: эта драка ничего не решила. Она только раззадорила их.

— Ты труп, — прохрипел Торин, сплёвывая кровь и какой-то мусор, попавший в рот во время драки.

— Ты даже не представляешь, насколько ты мертвее меня, — выдохнула Лиара, облизывая разбитую губу и ощущая привкус крови — солёный и почему-то торжествующий.

Воины-полуорки, державшие их, напряглись, готовясь к новой схватке. Их мышцы, огромные, как пивные бочки, вздулись, на лицах читалась смесь уважения и досады. Но Гризельда, прыгнув со своего импровизированного помоста и растолкав толпу, встала между ними, размахивая амбарной книгой как боевым топором.

— Хватит! — заорала она так, что зазвенели стёкла в витражном окне, а кот Васька, только-только начавший успокаиваться на новой балке, снова подпрыгнул. — Вы разрушили ползала! Вы распугали всех клиентов! Задание висит с прошлой недели, и каждый час промедления увеличивает шансы того, что этот чёртов вожак со своей рудой и кирасой снимется с места и уйдёт в другое логово, где мы его уже не найдём! Если завтра к полудню вы оба не принесёте мне его голову — отвратительную, вонючую, гоблинскую голову, — я лично прослежу, чтобы стоимость ремонта вычли из ваших шкур! Я сниму с вас кожу и продам её на пергамент! Я пущу ваши внутренности на колбасу для кухни! Поняли?!

В зале повисла тишина. Такая глубокая, всеобъемлющая тишина, какой «Валгалла» не слышала с момента своего основания. Было слышно, как потрескивают свечи, как где-то капает вода из прохудившейся крыши, как тяжело, со свистом дышат избитые, израненные, но не сломленные бойцы.

Тогда Торин, сплюнув кровь на усыпанный щепой и осколками пол, медленно поднял свой топор, валявшийся неподалёку. Он сделал это с нарочитой, демонстративной медлительностью, давая всем понять: бой окончен, но не война. Он поднял «Весомый Аргумент», любовно провёл ладонью по лезвию, стирая с него налипший воск и грязь, и направил его остриё прямо на Лиару. В этом жесте не было угрозы — это было обещание.

— Я докажу тебе свою правоту, ушастая, — произнёс он тихо, но веско, и в его голосе звенел металл. — Я уйду на эту миссию прямо сейчас. Один. Без твоих эльфийских фокусов, без твоих стрел, без твоей «тактики». Я зачищу логово, я пробью любую кирасу, которая мне встретится, будь она хоть трижды гномьей, хоть выкованной самим Морадином, и я принесу голову вожака к полудню. И ты увидишь, ты своими остроухими ушами услышишь и зарубишь на своём эльфийском носу, что такое настоящая прочность. Прочность, которая не нуждается в точности.

Он развернулся и, не обращая внимания на боль в колене, на распухший нос, на десятки синяков и ссадин, покрывавших его тело, захромал к выходу. Тяжелая дверь грохнула за ним так, что с потолка посыпалась штукатурка, а один из уцелевших подсвечников жалобно звякнул.

Лиара проводила его взглядом. В зале все ждали её реакции. Ждали, что она скажет что-то язвительное, что-то убийственно-точное, что-то, что поставит точку в этом противостоянии. Но она молчала. Она смотрела на закрывшуюся дверь, и на её губах, несмотря на ссадину и запёкшуюся кровь, медленно расцветала холодная, опасная, как лезвие бритвы, улыбка. Улыбка, которая пугала больше, чем её крик.

— Что ж, коротышка, — прошептала она наконец, и шёпот этот, казалось, услышали все, настолько тихо было в зале. Она поправила колчан, проверила тетиву своего лука, провела пальцем по оперению стрел, пересчитывая их. — Посмотрим, что быстрее найдёт сердце врага: твой кузнечный молот, от которого за версту несёт перегаром и потом, или моя стрела. Посмотрим, что победит: сила, которая прёт напролом, или точность, которая знает, куда бить. Посмотрим, кто из нас двоих прав.

Она не пошла к главному выходу. Она скользнула к чёрному ходу, узкой и тёмной двери, ведущей в переулок, где её ждал только ветер, дождь и ночь. Дверь закрылась за ней бесшумно, словно и не было здесь никогда никакой эльфийки. Вся гильдия, ещё не остывшая от драки и пари, прильнула к окнам, глядя, как две одинокие фигуры — одна приземистая и широкая, другая высокая и гибкая — исчезают в разных концах города, в сгущающихся сумерках, направляясь к Вересковой пустоши. Дождь усилился, и его косые струи быстро стёрли их силуэты, превратив в размытые тени.

Никто уже не сомневался, и это было написано на лицах всех присутствующих: гоблины — это мелочь. Гоблины — это просто декорации, расходный материал, статистическая погрешность на пути двух стихий. Самая страшная битва этого вечера, а может, и всей недели, развернётся не в тёмной, вонючей пещере, не среди костей и украденной руды. Она развернётся между ними — между стрелой и топором, между эльфийской точностью и дварфийской прочностью, между двумя противоположными философиями боя, каждая из которых считает себя единственно верной. И победитель, чью правоту признают — если, конечно, они не перебьют друг друга по дороге, — станет легендой «Валгаллы», тем, о ком будут слагать баллады и на чьём примере будут учить новичков. А проигравший... что ж, проигравший, вероятно, оплатит ремонт таверны из собственного кармана. А это, учитывая масштаб разрушений и цены на дубовую мебель в нынешнем сезоне, было страшнее и разорительнее любой гоблинской кирасы, любого ядовитого жала и любого вражеского клинка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.